

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

© 2020

О.Ю. Савельева, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: взяточничество; коммерческий подкуп; коррупционные преступления; служебный подлог; специальный рецидив.

Аннотация: В 2016 году ответственность за коррупционные преступления претерпела существенные изменения. Это выразилось в ужесточении наказания за отдельные виды коррупционных преступлений и включении в уголовное законодательство новых составов коррупционных посягательств. Несмотря на устоявшуюся за четыре года судебную практику и наличие Постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащего толкование коррупционных преступлений, по-прежнему существует ряд спорных вопросов, требующих обсуждения и разрешения с учетом современных реалий. Настоящее исследование посвящено определению базовых положений, связанных с формированием понятия коррупционных преступлений и их основных признаков, анализу спорных теоретических и практических вопросов квалификации коммерческого подкупа, взяточничества, злоупотреблений служебными полномочиями, а также сопрягаемому с взяточничеством служебному подлогу с учетом последних изменений, внесенных в уголовное законодательство. Проведен общий анализ коррупционных посягательств, а также уделено внимание отдельным составам преступлений, в частности мелкому коммерческому подкупу и мелкому взяточничеству, включенным в Уголовный кодекс РФ на основании Федерального закона от 3 июля 2016 года № 324-ФЗ. Акцент сделан на характеристике специального рецидива, включенного в конструкцию квалифицированных видов мелкого коммерческого подкупа и взяточничества. По результатам исследования вносятся предложения по изменению диспозиции ст. 201 УК РФ о злоупотреблении полномочиями, корректировке содержания Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в части толкования специального рецидива и служебного подлога.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно данным судебной статистики, за совершение коммерческого подкупа было осуждено: в 2016 году – 361 чел., в 2017 – 262 чел., в 2018 – 208 чел., в 2019 – 200 чел. Таким образом, наметилась устойчивая тенденция к снижению числа деяний, предусмотренных ст. 204 УК РФ. В 2017 году оно составило 27,4 %, в 2018 – 20,6 %, а в 2019 – 3,9 %. Что касается взяточничества, то здесь наблюдается следующая картина: в 2016 году осуждено 5 265 чел., в 2017 – 2 983 чел. (–43,35 %), в 2018 – 2 656 чел. (–10,9 %), в 2019 – 2 933 чел. (+10,4 %)¹. Соответственно, резкое падение (практически в два раза) количества преступлений, совершаемых путем взяточничества, в 2017 году сменилось ростом количества этих деяний в 2019 году. Думается, что основная причина значительного снижения в 2017 году количества посягательств, предусмотренных ст. 204, 290, 291 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), обусловлена проведенной в июле 2016 года дифференциацией ответственности за коммерческий подкуп и взяточничество в зависимости от размера коммерческого подкупа или взятки на сумму 10 000 руб.

Конструкция преступлений, предусмотренных ст. 204.2, 291.2 УК РФ, сразу вызвала множество споров среди ученых. В частности, авторы критически отнеслись к тому, что законодатель в частях первых рассматриваемых норм одновременно указал действия по получению и передаче коммерческого подкупа (взятки), не проведя их дифференциацию по степени обще-

ственной опасности [1; 2]. Другие исследователи считают пробелом отсутствие ответственности за посредничество в мелком коммерческом подкупе (взяточничестве) [3–5].

Не менее спорными являются положения ч. 2 ст. 204.2 УК РФ и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ, предусматривающие повышенную уголовную ответственность в отношении лиц, имеющих судимость за тождественные или однородные деяния. Анализ судебной практики по ч. 2 ст. 204.2 и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ свидетельствует о том, за 2016–2019 годы не было зафиксировано ни одного уголовного дела по ч. 2 ст. 204.2 УК РФ, в отличие от ч. 1 ст. 204.2 УК РФ, по которой с 2016 по 2019 год осуждено 123 чел. По ч. 2 ст. 291.2 УК РФ за указанный период было осуждено 28 чел., что значительно меньше числа осужденных по ч. 1 данной нормы – 7 870 чел.² Основную причину таких показателей по ч. 2 ст. 204.2 и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ исследователи видят в специфичности конструкции этих составов преступлений и в наличии объективных причин, препятствующих привлечению лиц к уголовной ответственности по данным нормам [6].

В доктрине уголовного права в зависимости от качественных характеристик ранее совершенных и вновь совершаемых преступлений рецидив принято подразделять на общий и специальный. Под первым понимается совершение ранее судимым лицом нового преступления, которое не тождественно и не однородно ранее совершенному [7]. Такой рецидив важен при назначении наказания, поскольку учитывается как отягчающее обстоятельство согласно п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Вторая разновидность рецидива, наоборот, предполагает

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.legalpress.ru/stats/ug/t/14/s/17>.

² См. 1.

совершение ранее судимым лицом нового преступления, тождественного или однородного ранее совершенному деянию [8]. До 8 декабря 2003 года именно специальный рецидив использовался законодателем при конструкции квалифицирующих признаков большинства составов преступлений. После 8 декабря 2003 года все квалифицированные составы преступлений с признаками специального рецидива из УК РФ были исключены. Специальный рецидив утратил свое уголовно-правовое значение. Его исследование до принятия Федерального закона от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ продолжалось только в рамках криминологического учения о рецидивной преступности, где понимание специального рецидива фактически совпало с его уголовно-правовой сущностью [9; 10].

Начиная с Федерального закона от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ, законодатель вновь стал возвращать специальный рецидив в уголовное право в виде квалифицированных признаков отдельных составов преступлений. Применительно к коррупционным преступлениям такие изменения были внесены Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 324-ФЗ. При этом, как и до 8 декабря 2003 года, законодательное определение специального рецидива выработано не было, поэтому в настоящее время специальный рецидив по-прежнему сохраняется исключительно как доктринальное определение. Соответственно, законодатель и правоприменитель не отождествляют специальный рецидив с легально определяемым в ст. 18 УК РФ рецидивом и не распространяют на специальный рецидив правила, указанные в ст. 18 УК РФ, что вызывает справедливую критику среди ученых [11].

Анализируя причины повышенной уголовной ответственности за специальный рецидив, авторы приходят к выводу, что основной акцент здесь сделан на личностных особенностях субъекта преступления. Тот факт, что лицо, будучи судимым за однородное или тождественное преступление, вновь совершает подобное посягательство, свидетельствует об устойчивости его антисоциальных установок и деформированном представлении о социальных ценностях, о конкретизированной антиобщественной ориентации преступника [12].

В целом коррупционные преступления, по мнению ряда ученых, обладают главной отличительной особенностью – это их обязательная корыстная составляющая [13–15].

Цель исследования – изучение особенностей уголовной ответственности за коррупционные преступления с учетом последних изменений и дополнений, внесенных в УК РФ в 2016 году, и материалов судебной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие и признаки коррупционных преступлений

Официальное определение коррупционных преступлений отсутствует. Не дает понятие данной категории преступных посягательств и Верховный Суд РФ. Такая ситуация вызывает ряд спорных моментов, которые могут быть разрешены путем унификации признаков коррупционных преступлений.

В частности, анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 201, 204, 204.1, 204.2, 285, 290, 291,

291.1, 291.2, 292 УК РФ, свидетельствует о том, что все они относятся к коррупционным посягательствам, поскольку для них характерно наличие корыстной мотивации, выраженной в той или иной форме. Правильность данной позиции подтверждается Генпрокуратурой России и МВД России, которые в совместных указаниях от 24.01.2020 № 35/11/1 отмечают корыстный мотив (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц) как обязательный признак преступлений коррупционной направленности.

Однако корыстный мотив прописан в диспозициях не всех коррупционных преступлений. К примеру, он указан в ст. 285 и 292 УК РФ в формулировке «корыстная заинтересованность». А вот в ст. 201 УК РФ обязательным признаком субъективной стороны является специальная цель (а не мотив) – извлечение выгоды и преимуществ для себя или других лиц.

В науке уголовного права вопрос о различии специального мотива и цели преступления изучен достаточно подробно. По мнению исследователей, цель преступления – это тот будущий результат, которого стремиться достичь виновный, совершая преступление [13]. Она не совпадает с преступным результатом (общественно опасными последствиями), поскольку формируется до начала выполнения объективной стороны [14]. Мотив является побудительной причиной совершения преступления, влияя на весь волевой процесс возникновения преступного намерения [15].

Возвращаясь к положениям ст. 201 УК РФ, необходимо отметить, что данный состав тесно соприкасается с составом, предусмотренным ст. 285 УК РФ. Основная разница заключается в субъекте преступления. По ст. 201 УК РФ ответственность несут лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях. А субъектом преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, является должностное лицо. Аналогичные различия характерны для ст. 204 УК РФ, с одной стороны, и ст. 290, 291 УК РФ, с другой, на что обращается внимание в научной доктрине [16].

При этом законодатель при конструировании субъективной стороны ст. 201 УК РФ почему-то указывает на корыстную цель, а в ст. 285 УК РФ – на корыстный мотив. Как справедливо отмечают отдельные исследователи данного вопроса, «корыстному побуждению всегда может соответствовать только корыстная цель» [17, с. 15]. В составах преступлений, предусмотренных ст. 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, законодатель напрямую не указал на корыстный мотив. Однако, исходя из сущности коммерческого подкупа и взяточничества, предполагающих обязательное получение материальной выгоды для себя или третьих лиц, следует сделать вывод, что корыстный мотив является обязательным признаком указанных деяний, на что указывалось в литературе советского периода [18].

Уголовно-правое понимание коммерческого подкупа и взяточничества

Понятие «коммерческий подкуп», исходя из положений ст. 204, 204.2 УК РФ, охватывает дачу (получение) коммерческого подкупа. Взятничество, как следует из содержания ст. 291.2 УК РФ, – это дача (получение)

взятки. Однако в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 термины ««коммерческий подкуп» и «взятничество» толкуются более широко за счет отнесения к первому посредничества в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ), а ко второму – посредничества во взятничестве (ст. 291.1 УК РФ). Такая позиция Верховного Суда РФ представляется ошибочной, поскольку действия посредника в коммерческом подкупе выражаются в оказании содействия в установлении отношений между лицами, передающими и принимающими предмет коммерческого подкупа. Аналогичные действия выполняет посредник во взятничестве. Следовательно, посредничество в коммерческом подкупе – это преступление, связанное с коммерческим подкупом, а не сам коммерческий подкуп. Равно как посредничество во взятничестве – это не прямое взятничество.

Квалификация мелкого коммерческого подкупа и взятничества

Коммерческий подкуп и взятничество в размер до 10 000 руб. относятся к категории «мелких». Ответственность за мелкий коммерческий подкуп предусмотрена в ст. 204.2 УК РФ, а за мелкое взятничество – в ст. 291.2 УК РФ.

Как указывалось выше, на данные составы не распространяются правила рецидива, перечисленные в ст. 18 УК РФ, а именно: из положений п. «а», «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ следует, что при признании рецидива не учитывается судимость за преступления небольшой тяжести и за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте. Из содержания ч. 2 ст. 204.2 УК РФ и ч. 2 ст. 290.2 УК РФ следует, что ответственность при наличии признаков специального рецидива по данным нормам несут в том числе лица, имеющие судимость за однородные или тождественные преступления небольшой тяжести. В случае с мелким коммерческим подкупом – это судимости по ч. 1, 2, 5 ст. 204, ч. 1 ст. 204.1, ст. 204.2 УК РФ; при мелком взятничестве – ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291, ст. 291.2 УК РФ.

Что касается ответственности несовершеннолетних по ч. 2 ст. 204.2 УК РФ и ч. 2 ст. 290.2 УК РФ, то какие-либо разъяснения на этот счет в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 отсутствуют.

В п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 года № 16 дается толкование ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ, предусматривающих ответственность за специальный рецидив в половых преступлениях. Здесь содержится прямое указание – учитывать судимость в несовершеннолетнем возрасте. Такая формулировка Верховного Суда РФ, по мнению отдельных авторов, вызывает противоречие с легальным определением рецидива [11].

Необходимо обратить внимание также на то, что если при совершении половых преступлений, где субъект преступления общий, привлечение к ответственности за специальный рецидив вполне допустимо, то в рассматриваемых коррупционных преступлениях со специальными субъектами это весьма затруднительно. Как справедливо отмечается в литературе, наличие судимости за коррупционное преступление, согласно положениям российского законодательства, препятствует замещению каких-либо должностей в государственной и му-

ниципальной сфере [19]. Соответственно, практически невозможно привлечь по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ должностное лицо, имеющее судимость, хотя в судебной практике такие примеры все же есть.

Так, приговором Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 27 июня 2017 года Джумшудов был осужден по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ за получение взятки в размере 4 000 руб. при следующих обстоятельствах. 7 ноября 2016 года к Джумшудову через Интернет обратилась студентка юридического факультета Новосибирского аграрного университета с просьбой предоставления ей и двум ее сокурсницам листов нетрудоспособности на срок с 8 по 15 ноября 2016 года. В ходе интернет-переписки девушка сообщила медицинскому работнику, что какими-либо заболеваниями она и две ее знакомые не страдают, а больничные листы им необходимы для предоставления в учебное заведение с целью освобождения от посещения занятий. Джумшудов согласился выполнить просьбу о незаконном предоставлении листов нетрудоспособности при условии предоставления ему незаконного вознаграждения в размере 4 000 рублей. После этого Джумшудов сообщил студентке номер банковского счета для зачисления на него предмета взятки.

8 ноября 2016 года после того, как девушка произвела платеж на указанный Джумшудовым банковский счет, последний, находясь в своем служебном кабинете, заполнил на имя трех обучающихся на юридическом факультете Новосибирского аграрного университета студенток листы нетрудоспособности, а впоследствии был задержан сотрудниками полиции. При этом было установлено, что ранее (3 октября 2016 года) фигурант дела был признан судом виновным за совершение при замещении этой же должности аналогичных преступлений по ч. 1 ст. 291.2 и ч. 1 ст. 292 УК РФ.

Как видно из этого примера, интервал между приговором за первые преступления и совершением вторых преступлений составил месяц. В такой ситуации, вероятнее всего, приговор в отношении Джумшудова не успел поступить работодателю на исполнение, что позволило осужденному продолжить выполнение обязанностей врача.

Возвращаясь к вопросу о привлечении к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 204.2 и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ лиц, имеющих судимость за коррупционное преступление в несовершеннолетнем возрасте, нужно отметить, что в качестве мелкого взяткополучателя несовершеннолетние выступать не могут, поскольку занятие должности на государственной или муниципальной службе возможно только с 18 лет. Несовершеннолетний может быть мелким получателем коммерческого подкупа, поскольку гражданское законодательство не содержит запретов на занятие руководящих должностей в коммерческих и некоммерческих организациях в возрасте от 16 до 18 лет.

Отграничение коммерческого подкупа и взятничества от смежных составов

Преступления, совершаемые в форме коммерческого подкупа и взятничества, необходимо отграничивать от злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) и злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Коммерческий подкуп и взятничество –

это «частные» случаи злоупотребления, т. е. специальные нормы по отношению к общим нормам – ст. 201 и 285 УК РФ. Главное отличие между ними заключается в объективных признаках. Коммерческий подкуп и взятничество – это деяния с формальным составом, поскольку считаются оконченными в момент получения (дачи) предмета коммерческого подкупа (взятки). Злоупотребления служебными (должностными) полномочиями – это деяния с материальным составом. Для их квалификации как оконченных преступлений обязательно наступление общественно опасных последствий в виде существенного вреда.

Кроме того, общественно опасное деяние при коммерческом подкупе и взятничестве в виде получения предмета преступления состоит из двух последовательных элементов. Первый – это действия по принятию предмета коммерческого подкупа (взятки). Второй – это действия (бездействие) субъекта преступления, которые он должен совершить или не совершить после получения вознаграждения. Общественно опасное деяние в составах преступлений, предусмотренных ст. 201 и 285 УК РФ, носит «простой» характер – это активное действие виновного лица в виде использования своих полномочий вопреки интересам службы, приносящее ему незаконную выгоду, а потерпевшей стороне – ущерб.

Квалификация служебного подлога

В п. 35 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 содержится разъяснение относительно квалификации еще одного коррупционного преступления – служебного подлога. Здесь дается определение предмета служебного подлога. Это официальные документы, влекущие определенные юридические последствия для участников правоотношений.

Анализ положений ст. 292 УК РФ с учетом разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, свидетельствует о сходстве данного состава со ст. 327 УК РФ, толкование которой дается в методических рекомендациях, утвержденных Федеральной службой судебных приставов России 15.04.2013 № 04-4.

Необходимо также отметить, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно видов официальных документов и способов их искажения на сегодняшний день устарели и не учитывают возможность предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде (электронные листки временной нетрудоспособности, электронные зачетно-экзаменационные ведомости, электронные зачетные книжки и т. д.). Интересным представляется исследование, в котором даются практические рекомендации по выявлению и фиксации поддельных электронных документов, например дипломов о высшем образовании [20].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Для унификации признаков коррупционных преступлений целесообразно заменить корыстную цель в диспозиции ст. 201 УК РФ на мотив «корыстной или иной личной заинтересованности».

В связи с отсутствием разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 о порядке применения ч. 2 ст. 204.2 и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ в отношении лиц, имеющих судимость за однородные или тождественные преступления в несовершеннолетнем возрасте, необходимо дополнить п. 14 данного постановления абзацем 3, где прописать, что при квалификации по ч. 2 ст. 204.2 и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ учитывается непогашенная или не снятая судимость по ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ в возрасте до 18 лет.

Преступление, предусмотренное ст. 292 УК РФ, близко соприкасается с деянием по ст. 327 УК РФ по признакам объективной стороны, а конкретно – по способу совершения преступления (внесение в официальные документы ложных сведений и исправлений (подчисток, дописок)). Основные отличия между этими составами проводятся по субъективным признакам: субъекту преступления (по ст. 292 УК РФ субъект специальный – должностное лицо, а по ст. 327 УК РФ субъект общий) и субъективной стороне (для ст. 327 УК РФ не характерен специальный мотив – мотив корысти).

В связи с активным внедрением в деятельность различных организаций, в том числе медицинских и образовательных, электронных официальных документов, необходимо в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 прописать, что предметом служебного подлога могут являться подобные документы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щетинина Н.В. Некоторые особенности законодательного конструирования норм об ответственности за отдельные коррупционные преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 103–106.
2. Гончаров Д.Ю., Зырянова Ж.Е. Мелкое взятничество как одно из проявлений бытовой коррупции // Виктимология. 2016. № 4. С. 46–50.
3. Жестков К.В. О криминализации посредничества в мелком взятничестве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 115–118.
4. Кочина М.С. Посредничество во взятничестве: история законодательства и практики противодействия // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 117–123.
5. Лепихин М.О. Посредничество во взятничестве в свете дополнений, внесенных в Уголовный кодекс РФ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 110–116.
6. Егорова Н.А., Егоров А.Г., Гордейчик С.А. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства // Законность. 2017. № 1. С. 51–56.
7. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4. С. 50–55.
8. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. 2-е изд. перераб. и доп. М.: БЕК, 1999. 590 с.
9. Волконская Е.К. Понятие криминологического рецидива преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 63–66.

10. Дроздов И.С. Структура криминологического рецидива осужденных без лишения свободы // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 126–132.
11. Понятовская Т.Г. Проблема рецидива в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 96–102.
12. Дроздов И.С. Рецидив как критерий эффективности наказаний, не связанных с лишением свободы // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 200–205.
13. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 304 с.
14. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань: Казанский ун-т, 1968. 166 с.
15. Боруленков Ю.П. Мотив как элемент предмета доказывания // Мировой судья. 2013. № 2. С. 28–32.
16. Рагозина И.Г. Коммерческий подкуп: вопросы дифференциации уголовной ответственности и проблемы квалификации // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 3. С. 327–332.
17. Гарбатович Д.А., Классен А.Н. Квалификация преступлений по мотиву и цели // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 3. С. 13–18.
18. Куринов Б.Л. Научные основы квалификации преступлений. М.: Моск. ун-т, 1976. 182 с.
19. Коваль А.В. Уголовно-правовая характеристика специального рецидива при взяточничестве // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 2. С. 227–233.
20. Зотов П.В. Использование компьютерных технологий для выявления подделок текста в электронных документах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 2. С. 208–212.
- Federation. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2017, no. 4, pp. 117–123.
6. Egorova N.A., Egorov A.G., Gordeychik S.A. Anti-corruption novels of the criminal law. *Zakonnost*, 2017, no. 1, pp. 51–56.
7. Khisamutdinov F.R., Shalagin A.E. Prevention of professional crimes and recidivism (history and modernity). *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 4, pp. 50–55.
8. Naumov A.V. *Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast* [Russian criminal law. General part]. 2nd ed. pererab. i dop. Moscow, BEK Publ., 1999. 590 p.
9. Volkonskaya E.K. Concept of criminological crime recurrence. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2015, no. 9, pp. 63–66.
10. Drozdov I.S. The structure of criminological recidivism of persons convicted without imprisonment. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2019, no. 13, pp. 126–132.
11. Ponyatovskaya T.G. Recidivism in criminology and criminal law. *Kriminologicheskii zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2014, no. 3, pp. 96–102.
12. Drozdov I.S. Recidivism as a criterion for the effectiveness of penalties not related to deprivation of liberty. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2018, no. 11, pp. 200–205.
13. Rarog A.I. *Kvalifikatsiya prestupleniy po subektivnym priznakam* [Classification of crimes on the subjective attributes]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2002. 304 p.
14. Volkov B.S. *Motiv i kvalifikatsiya prestupleniy* [Motive and qualification of crimes]. Kazan, Kazanskiy un-t Publ., 1968. 166 p.
15. Borulenkoy Yu.P. Motive as an Element of Proof Object. *Mirovoy sudya*, 2013, no. 2, pp. 28–32.
16. Ragozina I.G. Commercial bribery: issues of criminal liability classification and problems of qualification. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 327–332.
17. Garbatovich D.A., Klassen A.N. Qualification of crimes on motives and purposes. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 13–18.
18. Kurinov B.L. *Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestupleniy* [Scientific basis of classification of crimes]. Moscow, Mosk. un-t Publ., 1976. 182 p.
19. Koval A.V. Criminal law characteristic of special relapse of bribery. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 227–233.
20. Zotov P.V. Use of computer technology to identify fake of the text of electronic documents. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2012, no. 2, pp. 208–212.

REFERENCES

1. Shchetinina N.V. Issues of legislative construction rules of criminal liability for certain corruption crimes. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 103–106.
2. Goncharov D.Yu., Zyryanova Zh.E. Petty corruption as a manifestation of everyday corruption. *Viktimologiya*, 2016, no. 4, pp. 46–50.
3. Zhestkov K.V. On the criminalization of mediation small bribery. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019, no. 4, pp. 115–118.
4. Kochina M.S. Mediation in bribery: the history of legislation and counteraction practice. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2017, no. 4, pp. 117–123.
5. Lepikhin M.O. Mediation in bribery in the light of amendments made to the criminal code of the Russian

**CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION CRIMES
UNDER THE CURRENT RUSSIAN LEGISLATION**

© 2020

O.Yu. Savelyeva, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Criminal Law and Process
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: bribery; corrupt payment; corruption crimes; forgery in office; special recidivism.

Abstract: In 2016, the liability for corruption crimes underwent substantial transformations. It resulted in adding greater punitive measures for some types of corruption crimes and including new elements of corruption offenses in criminal legislation. Despite the common judicial practice and the existence of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation containing the interpretation of corruption crimes, still, there are many controversial issues demanding discussion and solution taking into account modern life realities. The research determines the basic statements related to the formation of the concept of corruption crimes and their main attributes, analyzes the controversial theoretical and practical issues of classification of a corrupt payment, bribery, official misconduct, as well as forgery in the office associated with bribery taking into account last amendments to criminal legislation. The author carried out the general analysis of corruption offenses, as well as paid attention to some corpora delicti, in particular, to minor corrupt payment and minor bribery included in the Criminal code of the Russian Federation based on the Federal law of July 3, 2016, No. 324-FZ. The paper focuses on the characteristics of special recidivism included in the structure of classified types of minor corrupt payment and bribery. By results of the research, the author makes the proposals on change of the disposition of abuse of authority (Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation), the update of contents of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “Concerning the judicial practice on cases of bribery and other corruption crimes” regarding the interpretation of special recidivism and forgery in office.